

ВСЕ интервью с Леонидом Парфеновым обычно делятся на несколько частей. В первой и второй репортер пытается получить от Парфенова ответы на вопросы про пиджаки и про жизнь. В третьей части поскуживший репортер с тем же успехом задает вопросы про телевидение. А в четвертой Парфенов объясняет отчаявшемуся репортеру, почему он, собственно, не любит давать интервью. Чтобы хоть как-то разнообразить эту схему, мы решили поменять части местами.

ЧАСТЬ ЧЕТВЕРТАЯ

- Я КАЖДЫЙ раз ощущаю свою вину за то, что вот опять как-то не смог проявить открытость и готовность к сотрудничеству... Но что я могу сделать, если мне действительно неинтересно давать интервью?

- Почему?

- А я не знаю, зачем это делать. Все, что я хочу высказать многомиллионной аудитории, я высказываю в своих программах. И вот ко мне приходят журналисты и начинают задавать вопросы, которые самому мне в голову не приходят, понимаете? Ну и ответы получают соответствующие.

- Но в конце концов интервью - такая же часть вашей работы, вы ведь фигура популярная.

- Да бросьте! Я прекрасно знаю, кто я такой. По мне, как говорится, "пролеткульт не заплачет". Я же не любитель публики, не шоумен.

- Ну и что? Евгений Киселев тоже не шоумен.

- Так ведь к нему и не пристаю к просьбой рассказать смешной случай на съемках "Итогов"! А ко мне - сколько угодно. И еще про пиджаки: эта галантерейная тема доминирует в моих интервью. И фотографии всех изданий, появляясь в моем кабинете, начинают плотоядно коситься на шкаф. Да нету там пиджаков, дома я их держу!

- Знаете, говорят, что писатель всю жизнь пишет одну и ту же книгу...

- Да-да-да, так и я: всю жизнь снимаю одну и ту же программу и даю одно и то же интервью.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ, ПЛАВНО ПЕРЕХОДЯЩАЯ ВО ВТОРУЮ

- ДАВАЙТЕ тогда про программу? Почему в последнее время вы взялись за "исторические" проекты?

- Родину люблю.

- Похвально.

- Нет, я серьезно. На самом деле это очень давняя идея. Просто Россию в последние годы так много трясло, что не было времени остановиться и оглянуться. А сейчас появилась возможность сделать это свободно, избавившись от идеологического отношения к прошлому. Я совсем не хочу сказать, что все тогда было прекрасно, всем же понятно, что ничего хорошего в коммунизме как в режиме нет. Но поймите, это огромный период нашей истории, так много было нелепого, замечательного, трагического, милого, трогательного, смешного, наивного, ужасного - всякого. Но одно точно - это абсолютно неповторимо. Знаете, это как понятие "сталинская архитектура", где слово "сталинская" - давно уже никакая не оценка, а просто определение стиля. И с "совет-

Леонид Парфенов любит родную Вологду и советскую историю

ским периодом" - то же самое. Это определение стиля, причем стиля очень богатого, потому что он формировался в достаточной изоляции, в замкнутой такой системе. Это целый космос - от собственной моды до собственной тяжелой промышленности, от собственного быта до собственных отношений с Богом.

Фото Виктора Горячева

- А как вы выбираете материал?

- Ну, я могу вам рассказать про принципы календарного планирования и отслеживания по феноменологии...

- ... Спасибо, пожалуй, не стоит...

- Да, так что я лучше приведу вам очень любимую мной цитату из Тимура Кибирова: "Все мне дорого здесь, все мне дорого здесь, ничего мне не дешево здесь"... Я действительно считаю, что на человека одновременно воздействуют Карибский кризис и обруч хула-хуп, открытие нефтепровода "Дружба", матч Яшина на "Уэмбли" и появление анекдотов про поручика Ржевского. Меня так учили - Лотман, например. Он показывал, что в XIX веке все это было вместе - и декабристы, и порядок танцев на балу, когда точно знаешь, что вначале - котильон или мазурка. Это все вместе, и это - цельный человек. Вот Чацкий состоит из того-то и того-то. И Бестужев-Марлинский состоит из того-то и того-то. И мне интересно - из чего же, из чего же, из чего же сделана наша держава?

- Как вы считаете, что из сегодняшнего времени возьмет грядущий телевизионщик в "Намедни-97"?

- Не знаю. Это в основном зависит от будущего взгляда, от точки зрения. Но если говорить о нашем стиле, то, наверное, это будет "пацанский" стиль. Этот непременно черный цвет во всем - от "Мерседеса" до чудовищных сумочек-барсеток, черные туфли обязательно с какими-нибудь блестящими железками, вообще "черный низ - белый верх". Знаете, при всей нелепости этому стилю нельзя отказать в некоем единстве. Я обожаю смотреть на... на его носителей в "Шереметьево-2", особенно когда они летят бизнес- или первым клас-

сом. Как они шествуют при этом своем черно-белом параде в самолет. Чтобы тут же помяться, запачкаться, но это неважно, они идут, как на светский раут, для них это - событие... Мне кажется, из этих вещей на самом деле и состоит

жизнь. Из этих барсеток, из смены имиджа Тани Булановой...

- А что вы оставляете на долю тех, кто не любит барсетки, читает хорошие книги и слушает серьезную музыку?

- Понимаете, какая штука... Я убежден, что, если рассказывать им и про барсетки, и про Буланову на их языке, им это будет тоже интересно. И даже полезно: должны же они, читая свои книги и слушая свою музыку, понимать, в какой стране при этом живут.

- Наверное, вы правы. Но рассказов про их музыку и книги они оказываются лишены?

- Ничего подобного. В "Намедни" мы ведь рассказывали и об этом. Телевидение - это всегда все сразу и для всех, это продажа "в одном флаконе". Понимаете, в реальности не существует ни дед Макар, только что слезший с печи, ни урловатый пэтэушник, они - исключения. И я категорически против того, чтобы считать "среднего телезрителя" носителем некой психической патологии: телеаудитория состоит в основном из нормальных людей. Да, разных, с разными вкусами. Но моя профессия в том и состоит, чтобы заниматься тем, что сейчас модно.

ЧАСТЬ УЖЕ ТОЧНО ВТОРАЯ

- А МОЖНО по вашей методе проследить, из чего же, из чего же, из чего же сделан Леонид Парфенов?

- Вряд ли. Я совсем не склонен к самоанализу...

- Трудно поверить, чтобы с вашим вниманием к детали вы не помнили, когда вам купили первые джинсы, когда вы впервые услышали "Битлз" или Армстронга и как на вас это повлияло.

- Ну, наверное, какие-то основные

вещи существуют. То, что я родился в Вологодской области, например. Это очень важно для меня, меня это крепко держит. Потом - Питер, тоже очень важный период жизни. И сам город - мне вообще странный русский человек, у которого нет каких-то своих, личных отношений с этим городом. И то, что там, в общегитии университета, меня поселили в комнату с болгарскими. Наверное, если бы меня поселили с американцами или французами, шок был бы меньше. Все-таки уже и тогда было понятно, что капитализм - это что-то совсем другое. А тут вдруг выяснилось, что даже наличие политбюро совсем не обязательно означает отсутствие колбасы и джинсов... А потом - Москва, к которой я очень долго не мог привыкнуть. Мне помогла примириться с Москвой бывшая улица Неждановой. Там подряд: доходный дом неоклассицизма, очень старая церковь, дом советского конструктивизма, потом сталинский монстр, потом еще что-то. И все вместе это и есть московский стиль.

- Но сегодня вы уже вполне законченный житель Москвы?

- Не уверен. Мне кажется, никто не может считать себя жителем Москвы - разве что какого-то района. Ну как можно ощущать своим город, если увидеть этот город можно только с самолета? Нет, я постепенно освоил свой маленький маршрут: бульвары - Олимпийский проспект - Шереметьевская - Останкино. Дом - работа. Есть какие-то приятные районы. А в каком-нибудь Орехово-Косово бываю раз в год по обязательству. Вообще это ненормально, конечно. Мегаполис - это место для маньяков, наркоманов и деятелей массовой культуры и шоу-бизнеса. К одной из этих категорий я и принадлежу. А вообще человек должен жить в маленьком городке. Чтобы покой, уют - как в Вологде, где свой маленький Кремль, а рядом река, и у берега до сих пор - плоты для полоскания белья. И маленькие домики вдоль набережной... Там, правда, в домиках гуляют крысы размером с телят, но это уже российская специфика. Со временем, наверное, все станет нормально.

- И как, по-вашему, будет выглядеть нормальная жизнь?

- Это очень легко объяснить. Когда летом не только в Москве, но и в той же Вологде, и в любом другом городе будут сидеть в открытом кафе студенты, пенсионеры, какие-нибудь женщины из окрестных контор. Что-то перекусывать, пить кофе или вино... Свободное время, относительный достаток и покой - простые ценности, образ жизни.

ЭПИЛОГ, ОН ЖЕ ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

- Леня, подождите! Вы ничего не рассказали про личную жизнь, про тайные страсти, про жену и двух детей. Но ответьте хотя бы: это правда, что знаменитые бутики отдают вам пиджаки даром?

- А-а-а... И бесплатные есть, и купленные за деньги. Эфирные пиджаки - это же спецодежда. На одной работе это сатиновый халат, на другой - китель с погонами, а у меня - Кензо, изделия этого французского японца. Спецодежда я не покупаю.

Яна и Юрий ЗУБЦОВЫ

09.97.

Парфенов Ленин